

Анона Волынская ✨ Кирилл Кашеев

ФАН-КЛУБ КОЛДОВСТВА

Црќа Хортица-суперведьма!

Илона Волынская
Кирилл Кащеев
Фан-клуб колдовства
Серия «Ирка Хортица – суперведьма», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183305
Фан-клуб колдовства : Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-33034-8*

Аннотация

Думаешь, ведьма – обязательно горбатая и страшная старуха? Ничего подобного! Сегодня ведьмой запросто может оказаться симпатичная двенадцатилетняя девчонка, которая живет в обычном городе и, как все, ходит в школу. Правда, еще она летает по небу, составляет заклинания и сражается со злыми колдунами и нечистой силой... Не веришь? Тогда читай о приключениях суперведьмы Ирки Хортицы!

Содержание

Книга I	4
1	4
2	7
3	10
4	12
5	16
6	18
7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Фан-клуб колдовства

Книга I

Сезон охоты на ведьм

1

Яринка – бисова дивка

Они появились снова. Огромный, просто гигантский кот сидел на яблоне, и ветка гнулась под его тяжестью. Толстый, как палка, трехцветный хвост небрежно свисал, и лишь его кончик раздраженно и угрожающе подрагивал. А на улице, за редкими досками покосившегося забора, стоял пес. Высокий и поджарый, он пружинисто покачивался на слишком тонких и длинных ногах. Что-то отчетливо змеиное было в плавных движениях узкой, будто шило, морды. Ирка с ужасом поняла, что сдавленный рык, kloкочущий в глубине собачьего горла, тоже напоминает шипение громадной змеи.

Ирка невольно шагнула назад. Пес, словно почуяв ее движение, медленно повернул голову. Совершенно белые, слепые мутные бельма вперились в Ирку, давя готовый сорваться крик. Умом девочка понимала, что пес слеп, не может видеть ее! Но при этом ясно чувствовала его взгляд – внимательный и недобрый. Белесая муть его глаз дрогнула, придвинулась. Ирка ощутила, как медленно и неотвратно наползает на нее липкий и омерзительный туман, окутывает, тянет... Ирка бессильно увязает в его щупальцах, беспомощно погружается в слепую глубину собачьих глаз... Кончики пальцев слабо сжались на старой пыльной занавеске у входа, словно пытаясь удержаться. Но девочка уже не могла сопротивляться. Безвольно качнувшись, она шагнула навстречу псу...

Дикий, истошный, до невозможности противный кошачий мяв взвился над садом. Из-за соседнего забора, молотя крыльями и отчаянно каркая, метнулась испуганная ворона. Ирка дернулась, занесенная нога зацепилась за высокий порожек. Девчонка пошатнулась, миска с кормом словно выпрыгнула из рук. В громыхании и блеске старого таза и брызгах куриной болтушки Ирка вывалилась через порог и грохнулась на четвереньки. Коленки ткнулись в мокрую тряпку, ладошки и локти больно впечатались в цемент ступенек. Посудина, лихо перекувыркнувшись в воздухе, точнехонько наделась на Иркин выставленный тощий зад. Да так и осталась, зар-раза!

Мгновение Ирка стояла неподвижно, потом медленно-медленно повернула голову. Тихонько застонала от боли в ушибленных руках, а еще больше – от обиды.

– Таз на тазе, однако, – пробормотала она и резким движением отшвырнула миску. Та грохнула в кирпичную стену и наконец-то свалилась в траву, а из дома старческий голос заорал:

– Яринка, ты шо ж там творишь, бисова дивка?!

Покряхтывая, Ирка поднялась. Наскоро лизнула ссадину на ладони, извернулась, горестно рассматривая свои джинсы. Теперь придется стирать.

Отбросив в сторону занавеску, на пороге появилась бабка. Оглядела измазанную внучку, куриный корм на ступеньках, валяющийся в траве таз, гневно хлопнула себя по коленям:

– Ну шо за дытына! Це ж не дытына, це ж наказание Господне! Курям дать – и того не может. Не, ну як це ты такого натворила?

– Сама сто раз говорила, о наш порог убиться можно! – огрызнулась Ирка и для убедительности ткнула в порог носком кроссовки.

Бабка на мгновение смутилась: порожек и впрямь был очень высоким, переступая его, каждый раз ворчала, что спилить бы надо. Один раз даже позвала соседа-плотника, а потом долго ругалась, обзывая того кулацкой мордой и угрожая написать на него в налоговую инспекцию. Сосед был трезвенником и за бабкину вишневую наливку работать не соглашался. По-соседски помочь тоже отказался. Соседи вообще не рвались помогать бабке, и, если по справедливости, винить их было не за что.

– Так я старая! – тем временем нашлась бабка. – Мне лет-то сколько! А ты молодая, должна через порог козлом скакать, а не каракатицей ползать.

– Козлами пусть козлы и скачут! – буркнула Ирка и послюнила царапину на локте. Защицало.

– Поогрызайся с бабушкой, поогрызайся, – пригрозила бабка, потом расчетливо прищурилась, оглядывая разбросанный корм. – Ты, Яринка, новый курям не заводи, этот собери. По углам соскреби, мусор вынь, и добре будет.

Ага, щ-щас! Золушку нашла – дров на месяц накопи, на год кофе намели. Вытащи из-под хвостов сорок розовых кустов. Дождавшись, пока бабка ушаркала обратно в дом, Ирка наскоро сгребла в таз самую большую кучу рассыпанного корма, бухнула добавку свежего и поволокла курам.

На яблоню она старалась не смотреть, на улицу тоже, хотя и знала, что ни гигантского кота, ни жуткого пса там уже нет. Зато на дорожке в глубине сада послышались тихие шаги. У Ирки дрогнули руки, корм в тазу угрожающе колыхнулся. Нет уж, хватит трястись! Ирка отвела миску в широком замахе. Кто б там ни был – сейчас схлопочет!

Между деревьев мелькнула облаченная в джинсовую рубашку фигура, из-за поворота появилась Танька. И остановилась.

– Мы что, поссорились? – после секундного молчания поинтересовалась она, недоуменно разглядывая изготовившуюся к броску Ирку.

– Тьфу ты! – Ирка вдруг почувствовала, как внутри у нее все слабеет. Таз показался невероятно тяжелым, и девочка поставила его на землю. – Подкрадываешься, прямо как... Как не знаю кто! Ты откуда взялась?

– У тебя задняя калитка открыта! – виновато ответила Танька.

– Лично у меня никакой задней калитки нет, – едко объявила Ирка. – В моей фигуре вообще калитка не предусмотрена! – и покрутилась туда-сюда, словно предлагая Таньке убедиться воочию.

Но Танька игры не приняла.

– Ты чего злишься? – спросила она. – Потому что штаны испачкала?

Ирка независимо передернула плечами и незаметно вытерла о джинсы взмокшие ладони. Мимо задней калитки она пробежала пятнадцать минут назад и совершенно ясно помнила, что тяжелый засов был задвинут. Бабка в ту сторону не ходила, в доме сидела. Снаружи засов не откроешь, доски пригнаны плотно.

Ирка подхватила таз и поволокла его курам. Танька шла позади.

– К нам зайдешь сегодня? – наконец прервала молчание Танька.

Ирка покачала головой.

– К той тетке с курсов пойдешь? – тоскливо спросила Танька.

– Пойду! – опустошая таз, кивнула Ирка.

– Значит, уедешь, – еще тоскливее вздохнула подруга.

– Ничего и не значит! – запротестовала Ирка. – Знаешь, как она гоняет! Она вчера только приехала, сразу всем группам по контрольной, потом вопросы. Потом меня и еще одну девчонку к директору в кабинет забрала и давай спрашивать! Девчонка один раз неправильно сказала, ее тут же выставили! А меня дальше гонять! Думала, живой не выпустит! Велела сегодня к ней в гостиницу прийти. Опять всю душу выжмет.

– Справишься. – Теперь уже Танька пожалала плечами.

– Ну а даже если справлюсь, знаешь, сколько стоит у нее в школе учиться? У меня таких денег нет! А жить где? Чужой город!

– А то она не знает, что у тебя денег нет. Ей способные нужны – богатеньких бездарей к себе приманивать. Чтоб они думали: поучатся в ее школе и тоже как ты смогут. Нет, забрет она тебя. Опять я одна останусь. В обнимку с книжками. – Танька не отрывала глаз от верхушки яблони, но Ирка все равно видела, что глаза у подруги на мокром месте.

– Я тебе писать буду, наверняка там электронная почта есть, – неуверенно предложила Ирка. Танька тихонько шмыгнула носом.

– Тань, если она меня возьмет – я поеду, – глухо сказала Ирка. – Ты же знаешь – мне нужно. Очень.

Танька упорно глядела в сторону.

– Ты хоть завтра зайди, расскажи, что получилось, – наконец выдавила она.

– Зайду, – кивнула Ирка.

Танька медленно побрела обратно к задней калитке. Ирка вытряхнула остатки корма и поспешила следом. Калитка действительно стояла открытой. Ирка обогнала подругу, задумчиво покачала калитку – та тихонько заскрипела. Пощелкала засовом – вроде в порядке. Как же она открылась?

Танька без всякого интереса наблюдала за ее манипуляциями.

– До моего дня рождения не уезжай, – попросила она. – В этом году опять родительские приятели понаедут. С дочками, – с ненавистью выдохнула Танька.

– Не уеду, – снова согласилась Ирка. Подружка шагнула в калитку, но Ирка вдруг удержала ее. Высунулась и, осторожно вертя головой, внимательно оглядела улицу, покосившись на заборы, соседские ворота. Никого.

– Ты чего? – с любопытством спросила Танька.

– Да так. Ты, когда сюда шла, пса, такого странного, не видела?

Танька неуверенно покачала головой:

– Вроде нет. Ну тьякали из-за заборов, как всегда...

– А кота – здорового?

– Тебе конкретный кот нужен или любой сгодится? – поинтересовалась Танька. – У нас тут, знаешь ли, полно котов, и все как один здоровые.

– Ага, – неопределенно протянула Ирка. – Ладно, ты иди, только осторожно. Я постою пока, посмотрю.

– На что помотришь? Почему осторожно? Странная ты какая-то сегодня, – уже выходя, заявила Танька.

– Нормальная, – отрезала Ирка. Ну не объяснять же ей, что именно здесь, у этой самой калитки, три дня назад Ирка впервые встретила с жутким псом.

2

Хорошо быть кошкой, хорошо собачкою

Вжимая голову в плечи под редкими, но тяжелыми каплями дождя, Ирка неслась к дому. Хотелось успеть под крышу до того, как, развозя дорогу в непролазную грязь, обрушится «гроза в начале мая». Пусть ее поэтически настроенные личности любят, а Ирка терпеть не может. Она уже видела свою калитку, как вдруг из буйных зарослей у соседского забора вышел пес. И невозмутимо уселся посреди дороги, отрезая путь к спасительному крыльцу. Ирка, всегда ладившая с окрестными собаками, почему-то мгновенно поняла – с этим ей подружиться не удастся. А потом веки пса дрогнули, и в Ирку зряче уставились слепые бельма. Белесая муть заколебалась вокруг девчонки, ее сильно затошнило, земля медленно стронулась с места и поплыла из-под ног. Частые капли дождя лупили по плечам, а белые собачьи глаза придвигались все ближе, ближе. Пес не торопился, словно наслаждался Иркиным испугом. В горле у Ирки сухим наждаком заворочался настоящий ужас. Она поняла, что капитально влипла, – и тут на дорожку перед ней рухнул кот.

Потом Ирка никак не могла понять, откуда же он взялся. Ну не было над дорожкой веток, ни единой! Не с облака же? А в тот момент девочка смогла лишь заметить, какой он здоровенный. Ну прям камышовый кот, говорят, у Днепра такие еще водятся. Масти он был самой что ни на есть дворовой – как будто целой шкуры нужного размера не нашлось и ее соштопали из остатков от других котов: рыжих, черных, серых и белых, и даже, кажется, зеленоватых. Котяра уселся между девчонкой и псом. Закинув вытянутую заднюю лапу за голову, принялся неторопливо вылизываться. Розовый язык двигался размеренно. Выставленную лапищу украшали полностью выпущенные, растопыренные когти. Зловеще поблескивающие, будто стальные, они лениво, но недвусмысленно появлялись... прятались. Белая муть рассасывалась, словно втягивалась обратно под бельма собачьих глаз. А когда липкий туман растаял полностью и в горле пса вскипел странный полурык-полушипение, кот вдруг коротко фыркнул. Ирка могла поклясться – фырчание означало что-то вроде: «Чихал я на ваши угрозы!» Котяра поднялся и, надменно-брезгливо переступая лапами, двинулся в обход. Его полосатый хвост торчал строго вверх, будто палка с нанизанными трехцветными колечками – черное, рыжее, белое, почти как у гаишника жезл...

Сделав пару шагов, кот обернулся и нетерпеливо глянул на Ирку. Девчонка пошла за ним, невольно стараясь держаться как можно ближе к неожиданному защитнику, чуть не наступая ему на задние лапы. Пес не шевелился, лишь медленно поворачивал голову, ни на миг не отрывая от девчонки страшных белых глаз. Но кот явно и демонстративно не обращал на противника никакого внимания. Лишь иногда оглядывался на Ирку, проверяя, здесь ли она, да торопливо убирал лапы, если та придвигалась слишком близко. Так он довел Ирку до самой калитки и тут же роскошным прыжком метнулся в сторону.

Ирка услышала, как за ее спиной вскочил пес. Она влетела в калитку и дрожащими руками набросила толстый стальной крючок. За забором мягко переступили собачьи лапы. Ирка отпрянула от калитки, зажимая себе рот рукой, чтобы не завизжать. К щели между досками плотно прижимался черный собачий нос и тянул, тянул, тянул в себя воздух. Ирка почувствовала, что и ее тянет туда, за калитку, на улицу. Круто повернувшись, она понеслась к дому, и тут же весенний ливень рухнул стеной.

Когда вечером, после дождя, Ирка решила выглянуть, конечно, не было ни пса, ни кота и никаких следов. Лишь превратившаяся в сплошную грязь дорога.

Сейчас тоже – ни пса, ни кота. Только Танька, взбирающаяся вверх по крутой улице. Вот и она скрылась за поворотом. Ирка покачала головой. Нет, не станет она никому рассказывать о странных зверях. Даже Таньке. За придурочную примут. Пес на нее незрячими

глазами смотрит, кот домой провожает – форменный идиотизм. Слепые ходят, хромы видят. Не надо ужастики на ночь смотреть. И вообще уже уходить пора.

Наскоро ополоснув таз, Ирка помчалась к себе в комнату переодеваться. Поморщилась, вытаскивая из скрипучего шкафа юбку. Ну что же делать, если джинсы теперь только стирать, а других штанов у нее нет. Может, и к лучшему, вдруг приезжая не любит девочек в джинсах. Встречаются еще дремучие люди.

Схватив сумку, Ирка понеслась вниз по лестнице. На мгновение остановилась перед зеркалом. А ничего! Она охватила себя ладонями за талию. Еще сандалии вместо кроссовок, волосы распустить, и будет совсем неплохо.

Она потянула с волос тугую резинку.

– О, намылилась! Прихорашивается! Лишь бы швендять! – от внутренних дверей на Ирку неодобрительно взирала бабка.

– Я учиться иду! – возразила Ирка. Наклонилась, застегивая ремешки сандалий и пряча от бабки лицо. Сейчас ругаться с бабкой нельзя, а то обозлится и не выпустит, тогда прости-прощай все Иркины надежды.

– Учиться! – Бабка презрительно оттопырила губу. – Ну вылитая мать! Та тоже: вроде бы училась, а потом – фить! Только ее и видели! Полгода вже не звонит!

– Мама звонила! – почти выкрикнула Ирка, мгновенно позабыв о своем решении не ссориться с бабкой.

– Когда это? – поинтересовалась бабка, язвительно выгнув черную крашеную бровь.

– А вчера! – решительно заявила Ирка, бестрепетно глядя старухе в глаза.

– Та ну? – удивилась та. – Чего ж я не слышала?

– Ты огород копала, а разговаривать надо было быстро, там звонки дорогие.

– То-то же, шо не дешевые. Ну позвонила, и добре. Як там она?

Ирка неопределенно повела плечом. Врать она не любила.

– Вроде нормально.

– А раз нормально, могла бы грошей родной дочери прислать. Пальто, вон, к зиме трэба...

– А трэба, так ты и купила бы, – опять огрызнулась Ирка, отворачиваясь. Кажется, бабка ей поверила. Ирка быстро поморгала, стряхивая слезы с ресниц. Не смеет бабка осуждать ее маму! Никто не смеет! Раз не звонит, значит, не может! Хотя... Вот бы и вправду позвонила!

– Купила! – ворчала за спиной бабка. – У тебя свои гроши есть! Не тратила б на всяку дурну учебу, так и було б пальто. Школы ей мало! Шо ж то за дытына такая заученная!

Ирка только фыркнула. И тут же испуганно вздрогнула – фырчит ну совсем как тот кот. А деньги у нее и правда свои. В чем бабке не откажешь – честная она. Продаст хоть яблоки, хоть картошку, хоть те же яички домашние, сразу Ирке ее долю. Работала – получи! Тратить Ирка могла как хотела. Бабка ворчала иногда, но не вмешивалась: твои деньги – делай что хочешь! Иногда это радовало, а иногда – обижало. Казалось, начни она покупать выпивку или вообще наркоту, бабка и внимания не обратит. Твои деньги!

– Курей запереть не забудь, потом иди! – велела бабка.

– Не могу, мне опаздывать нельзя. – Губы у Ирки дрожали от обиды.

– Бездельница! – Бабка гневно нахмурилась.

– Неправда! – тряхнула волосами Ирка. Ей все больше хотелось разреветься. Несправедливо бабка говорит! А тут еще коты и собаки всякие. И мама. Раньше тоже появлялась редко, а как в Германию на заработки уехала – так и все, глухо, как в танке. – Неправда!

– Ну и неправда! – вдруг согласилась бабка. – Да только ты, Яринка, не зазнавайся! И запомни, будешь до ночи шататься, домой не пушу!

Ирка побежала к калитке. И уже не видела, как бабка печально покачала головой и наскоро перекрестила ее вслед.

3

Арагорны не стригутся!

Заборы тянулись вдоль улицы: низенькие, деревянные, покосившиеся, и высокие кирпичные – все наискось, под углом. Улица шла круто вверх, люди карабкались по ней, и заборы – тоже. Где-то не ко времени разорался петух. Сквозь учащенное дыхание Ирка вдруг услышала, как что-то тихонько зацокало у нее за спиной.

Ирка замерла. Опять! Рука ее потянулась к горлу. Сердце билось прямо под языком, вот-вот выпрыгнет и покатится по пыльной улице. Девчонка медленно обернулась.

– Тьфу ты! – Сердце вернулось на свое законное место. На дороге, невинно помаргивая маленькими глазками, стоял крошечный поросенок. – Шатаешься тут, людей пугаешь! Удрал, что ли?

Ирка пригляделась к поросенку.

– Парень, да я ж тебя знаю! – сообразила она. – А ну пошли к хозяевам, а то тут быстро найдутся желающие тебя раньше времени на отбивные пустить.

Она подхватила поросенка и, стараясь не прижимать к чистой футболке, поволокла вверх по дорожке. Задышаться она стала еще сильнее. Улица все так же круто забирала в гору, а поросенок оказался вполне упитанным.

Старые саманные развалюхи сменились крепкими шлакоблочными домами с блестящими, крытыми металлом крышами. Улица перевалила через горб и потянулась прямо. Ирка обогнула высокий забор... и вышла на проспект.

Мимо тяжело прокатил троллейбус. В витрине бутика красовались симпатичные брючки в «молниях» и кармашках. Блестящий «Ауди» остановился у тротуара, и высокая блондинка, дробно стуча каблучками, побежала к банкомату. Остановилась, изумленно уставившись на Ирку с поросенком в руках. Девчонка усмехнулась. Даже ей до сих пор забавно – а что с непривычным человеком делается, когда он обнаруживает в балке между двумя самыми оживленными районами огромного города крохотную деревушку! С поросятами, курами, настоящими крестьянскими усадьбами. Умиляются, придурки. Было б чем. Хотя кто не в самой балке, а наверху дома построил, тем неплохо. С одной стороны – город, с другой – деревня. Танькин отец два участка купил – особняк отгрохал, закачаешься. А Богдановы предки здесь давным-давно живут и продавать свой дом отказываются – самим нравится.

Ирка нажала звонок у выходящей на проспект калитки. Дверца тут же приоткрылась, и Ирке в горло уперлось острое тяжелого стального меча.

Следом высунулась голова мальчишки и осторожно, совсем как Ирка недавно, повернулась в одну сторону, потом в другую: паренек подозрительно оглядывал проспект. У Ирки даже дыхание перехватило – неужели он тоже повстречал пса? Или кота?

– Вокруг засады! – шепотом объявил мальчишка. – Леди Илэйн оказалась агентом Сау-рона!

– Тьфу ты! – в третий раз за сегодняшний день перевела дух Ирка. – Я с вами рехнусь скоро! – небрежным движением отведя меч, она вошла в сад, такой густой и заросший, что уже казался лесом.

– Богдан, маму позови. В смысле, леди Илэйн. Я вашего поросенка на улице поймала.

– Не могу, – все тем же зловещим шепотом ответил мальчишка, – я как раз от нее прячусь.

Ирка поглядела на него с раздражением – всего на год ее младше, одиннадцать исполнилось, а ведет себя как пятилетний.

– Что это вдруг?

Глаза Богдана резко распахнулись, голос наполнился трагизмом.

– Она хочет меня постричь!

Ирка критически уставилась на шевелюру Богдана:

– Вообще, постричься бы не мешало.

– Ты что, совсем? – Пацан так обиделся, что заговорил нормально. – Ты во «Властелине Колец», кроме хоббитов, хоть одного стриженного видела?

Ирка на мгновение задумалась.

– Гном? – предположила она.

– Во-первых, неизвестно, он за весь фильм ни разу шлем не снял, – авторитетно заявил мальчишка, – а во-вторых, у него борода есть.

Неподалеку тихонько качнулись ветки. Стройная женщина в зеленом платье неслышно выскользнула из-за кустов смородины. За спиной она прятала машинку для стрижки. Но Богдан что-то почуял. Мгновенно выхватив у Ирки поросенка, крепко зажав его под мышкой, а обнаженный клинок ловко удерживая у бедра, он рванул сквозь заросли. Женщина покачала головой, потом кивнула Ирке, благодаря за поросенка, и тем же неслышным шагом двинулась в погоню.

– Арагорны не сдаются! – донеслось из глубины сада.

– Арагорны не сдаются, Арагорны не стригутся! – тихонько пропела Ирка. Вернулась на проспект и помчалась к подъезжающему троллейбусу.

4

Последний экзамен

Сквозь грязноватое стекло Ирка бездумно глядела на мелькающие дома. Если она выдержит еще один экзамен, если ее примут – надо будет уезжать. И Богдана она больше не увидит, и Таньку. У Таньки ведь и вправду, кроме Ирки, друзей нет. Будет опять жаться по углам и с тоской слушать, как девчонки в ее элитной школе обсуждают, у кого из папаш тачка круче. А бабка? Бабку как оставить? Но если эта чужая тетка, такая деловитая и решительная, все-таки возьмет Ирку в свою школу... И если она будет учиться очень-очень хорошо – а она будет, ох как будет! – ее могут отправить за границу. Может, даже в Германию. И тогда, может быть... Девочка на мгновение зажмурилась. Германия совсем маленькая страна. А если она сумеет отыскать там маму? Ну вдруг?! Ну почему нет?!

Ирка так задумалась, что чуть не проехала свою остановку. Пихаясь локтями во встречном потоке, выбралась из троллейбуса, перебежала бульвар и вошла в старинное здание гостиницы.

Неловко переминаясь, девочка остановилась в роскошном просторном холле и принялась озираться. Танька бы здесь не растерялась, она к таким местам привыкла, а Ирка раньше только через окно заглядывала.

– Что тебе нужно? – строго, почти угрожающе окликнул ее парень за длинной дубовой стойкой.

– Мне в тринадцатый, к Раде Сергеевне, – почти шепотом ответила Ирка, но парень услышал.

– Сейчас спрошу, – с сомнением процедил он, поднимая трубку телефона. – Рада Сергеевна? – тон его резко изменился, он почти пел. – К вам тут девочка просится. Зовут... Тебя как зовут? – бросил он, прикрыв трубку ладонью.

– Ирка Хортица. То есть Ирина. Я с курсов...

Но портье уже не обращал на нее внимания. Согнувшись в почтительном полупоклоне и часто кивая – хотя собеседница и не могла его видеть, – он слушал голос в трубке. Наконец сказал:

– Сию минуту, – и, повернувшись к Ирке, сообщил: – Рада Сергеевна тебя ждет. – Теперь его голос звучал много уважительней.

Возле тринадцатого номера Ирка на мгновение замешкалась, собираясь с силами. Позавчера, после жесточайшего опроса, что устроила ей приезжая, она чувствовала себя разбитой. Будто целый день мешки таскала. И еще эта безумная скорость вопросов, и бесконечные листы тестов, и гул магнитофона, из которого завораживающе текла иностранная речь. После каждого выполненного Ирккой задания лицо Рады Сергеевны озарялось одобрительной улыбкой – и следующее задание становилось тяжелее и сложнее, наполняя ощущением неминуемого конечного провала. Английский сменялся немецким, немецкий – французским, Ирка уже сама не понимала, на каком языке она говорит. Ей удалось не сбиться, только совершив отчаянное усилие. А потом экзамен как-то враз завершился, Рада Сергеевна кивнула и удалилась, так ничего и не сказав. Хотя, в конце концов, позвала же сюда, значит, все-таки Ирка ей понравилась? Нерешительно подняв руку, девочка постучала.

Дверь распахнулась мгновенно, словно Рада Сергеевна караулила.

– Здрасти, – выдохнула Ирка.

– Здравствуй, здравствуй, Ирочка. – В голосе Рады Сергеевны звенела совершенно искренняя радость. Ирка изумленно уставилась на нее.

Круглое лицо сияло оживлением, на ярких губах играла приветливая улыбка. Пухлая рука в кольцах легко прошла по Иркиным волосам, пуговицы на рукаве голубой блузы задели ухо.

– Какая ты темненькая, прямо цыганка. И личико смуглое, совсем южная девочка. Ну заходи, заходи, я уж тебя заждалась.

– Я не опоздала? – испуганно спросила Ирка.

– Ну что ты, наоборот, ты удивительно пунктуальна. Хвалю. Да проходи же.

Ирка шагнула вперед и в изумлении остановилась. Номер был роскошным, по-старинному роскошным, как в кино. Белые с позолотой двери, подвески хрусталя, столики с гнутыми ножками и множество ваз. И в каждой вазе стояли букеты сухих цветов. Пучки сушеных трав свешивались даже с золоченой люстры. Их запах смешивался с дымом ароматических палочек, дымящихся в расставленных по всей комнате крохотных курильницах. От приторного дымка кружилась голова.

– На пещеру волшебницы похоже, – улыбнулась Ирка.

– Я знала, что тебе понравится, – удовлетворенно кивнула Рада Сергеевна.

Ирка была не уверена, что ей здесь действительно нравится. Непривычная роскошь пугала ее, а странные запахи, наоборот, притягивали. В них чувствовалось что-то давно знакомое, но позабытое, нечто, сулящее радость, но одновременно и внушающее тревогу. Ирка одернула себя – нечего выдумывать глупости, делом надо заниматься! Повинуясь жесту Рады Сергеевны, она села на диван.

– Ну что ж, девочка, я проверила твои тесты, и мое первоначальное мнение лишь подтвердилось. У тебя уникальные языковые способности.

– Спасибо, – тихонько шепнула Ирка.

– Спасибо говорят за комплименты, а тут чистая правда. В моей школе мы даем детям знания нескольких языков. Сама догадываешься, обучение стоит недешево. – Рада Сергеевна лукаво поглядела на Ирку. Девчонка напряглась. Если сейчас скажет, что за учебу надо платить, придется подниматься и уходить. Взять такие деньги все равно неоткуда. Но Рада лишь вытасила из пачки длинную коричневую сигарету и принялась неторопливо закуривать.

– Девочка, в двенадцать лет свободно говорящая на трех языках, – это интересно, но... – Рада помахала сигаретой и сладковатый дымок потянулся к Иркиному лицу. – Наши выпускники, не в двенадцать лет, конечно, но к окончанию школы, тоже свободно владеют английским, французским и немецким. Понимаешь, все дети способны к языкам, если, конечно, правильно учить.

Ирка окончательно пала духом. Языки были ее гордостью, в классе она такая была одна, на языковых курсах – тоже. И вот оказывается, что для Рады и ее школы Иркины три языка – фигня, все так могут.

Рада Сергеевна пристально поглядела на Ирку сквозь сизый сигаретный дым, словно оценивала впечатление от своих слов. Потом улыбнулась и подняла окольцованный золотом палец, призывая к вниманию.

– Но! Для нас было бы интересно иметь в своих стенах ребенка-полиглота, владеющего десятком языков. Руководитель твоих курсов говорил мне, ты пыталась заниматься еще испанским и итальянским, но вскоре бросила, хотя преподаватели тебя хвалили. Силенок не хватило? – Рада Сергеевна глядела на нее испытующе.

Ирка опять съезжилась. Ей захотелось убраться подальше от Рады Сергеевны с ее пахучими травами, почему-то вселяющими в душу мир и успокоение, и такими неудобными вопросами, заставляющими Ирку смущенно прятать глаза. Она совершенно не собиралась сообщать о своих проблемах этой совсем незнакомой женщине. У нее есть гордость!

– Я... у меня не хватало времени и...

Взгляд Рады стал сочувственным и таким глубоким, все понимающим, что Ирка почувствовала – врать этой женщине нельзя! Даже в мелочах. Стыдно.

– Дорого очень получалось, – шепотом призналась Ирка. – У меня таких денег нет.

– Дорого, – задумчиво повторила директриса, и вдруг взяв одну из курительниц, поставила ее на столик перед Иркой. – Правда приятный запах?

Запах был странным. И опять-таки смутно знакомым.

– Самостоятельно не пыталась заниматься?

Да чего она хочет? Ирка ж не машина для заучивания иностранных языков. Ей и телик иногда посмотреть хочется, с Богданом в охоту на орков погонять, у Таньки посидеть. Но Ирка хорошо понимала: как и всем взрослым, Раде Сергеевне эти важные дела совершенно безразличны.

– Иногда занималась. Совсем чуть-чуть, – уточнила Ирка. Неужели проверять станет?

Стала. Рада Сергеевна положила перед Иркой листок с текстом, чистую тетрадь и резную деревянную ручку, почему-то завернутую в носовой платок.

– Пиши перевод.

Ну зачем же она трепалась! Ирка склонилась над текстом. Кажется, итальянский? Да она года полтора к итальянскому не прикасалась! Сейчас у нее ничего не выйдет, и получится, что она наврала, нахвастала, и внимательный интерес, мерцающий в синих, таких молодых глазах Рады Сергеевны, мгновенно сменится презрением к врунье... Напряженно закусив губу, Ирка принялась вчитываться. Ха, а не все так плохо! Смутные, полузабытые слова неожиданно начали выстраиваться во что-то связное. Ирка вытряхнула деревянную ручку из платка и принялась писать. Ручка оказалась ужасно неудобной. Неужели нормальной нет?

– Вот. – Ирка протянула директрисе готовый перевод. – Я плохо помню итальянский...

– Ничего, – ответила та, задумчиво глядя в кривоватые Иркины строчки. – Вполне даже прилично. Особенно если учесть, что это вовсе не итальянский. Это латынь. – Рада подняла голову, всматриваясь в ошарашенное лицо Ирки.

– Но я никогда не учила латынь, – запротестовала Ирка, яростно почесывая ладонь. – Как же я могла перевести?

– Вот именно, как? – развеселилась Рада Сергеевна. – Что ты ладошку дерешь?

– Ничего, ерунда, – покачала головой Ирка.

– А ну-ка, покажи. – Женщина властно протянула руку, и Ирке ничего не оставалось, как подать ей свою. – Покраснение, – протянула Рада, и Ирке показалось, что в ее голосе звучит разочарование. – Отчего это? – и, видя Иркино смущение, потребовала: – Ирина, ты должна мне все рассказать! Это очень, очень важно. Ты даже не представляешь, насколько, – настойчиво глядя Ирке в глаза, повторила Рада Сергеевна.

Ирка нахмурилась – не нравились ей такие заявления. Что значит все рассказать? У любого человека могут быть тайны! Она независимо повела плечом:

– Ручка ваша, наверное, из осины сделана. А у меня на осину – аллергия.

– Аллергия? Всего лишь аллергия?

– Ну да, – кивнула Ирка, изумленно глядя на Раду. Ничего себе «всего лишь», теперь дня два чесаться будет. – Около нашего дома осина растет, я маленькая была, даже ходить возле нее не могла. Когда выросла, получше стало, но стоит дотронуться – сразу кожа красная и чешется.

– Ах, вот оно что! – В голосе Рады слышалось явственное облегчение. Почти неслышно она пробормотала: – Конечно, постоянный контакт! Вот почему такая слабая реакция!

Снова обернув ручку валяющимся на столе платком, директриса убрала ее прочь. Интересно, у нее тоже на осину аллергия?

– Так, теперь последнее испытание, – бодро заявила Рада, и Ирка ошеломленно уставилась на фолиант, который директриса держала в руках. Это был огромный том, совсем не похожий на обычные книги. Кожаный переплет охватывали тускло отблескивающие металлические уголки. Рада откинула стальную застежку, и перед Иркой раскрылись желтые ломкие страницы, испещренные непонятными черными значками.

– Я не знаю таких букв! – воскликнула Ирка. Она вдруг поняла, что боится читать эту странную книгу, но одновременно та словно притягивает к себе, совсем как запах Радиных трав.

– А ты попробуй, – тихо, почти шепотом сказала Рада Сергеевна. Ее ладонь легла Ирке на затылок, мягко, но настойчиво пригибая голову к странице. – Попробуй же.

Ирка невольно глянула на текст. Страница шевельнулась, словно крыло бабочки, и Ирке почудилось, что странные буквы паучками мечутся по листу. Она тихо охнула, вдруг ощутив, что вот сейчас, вот еще минутку – и она поймет, узнает, что же там написано – без букв, без слов.

– Понюхай, это прояснит сознание, – прошелестел тихий голос над головой, и Ирке под нос ткнули пахучий пучок трав. Курильница выдохнула ароматный клуб дыма прямо в лицо, смешиваясь с запахом сигареты. Ирка судорожно вздохнула и... провалилась в темноту.

5

Сон ни в какие ворота

Толстый мясистый стебель жадно тянулся к добыче. Ирка ударила по нему кулаком. Упругая мякоть лопнула, разбрызгивая одуряюще пахучий сок. Разлетающиеся капли выжгли проплешины в рыхлой земле. Ярко-алый цветок величиной с Иркину голову метнул в лицо волну аромата – и вдруг оскалился рядами мелких, но острых зубов. Душистые зеленые заросли придвигались все ближе, грозя навалиться, подмять... Ирка хотела бежать, но облепленные грязью кроссовки стали просто пудовыми.

Высокая фигура в длинном платье соткалась словно из воздуха. Ирка увидела безупречно прямую спину и строгий пучок седых волос. Женщина плавно повела рукой, и наступающая зелень бессильно осыпалась пучками сухого сена. Спасительница обернулась, ее губы шевельнулись.

– Подвал! Загляни... – донесся до Ирки тишайший, на пределе слуха, шепот.

И тут же яркий свет хлестнул по глазам. Ирка подняла веки.

Она лежала на том же диване в гостиничном номере. Высоко над ней сквозь мутноватую дымку проступило испуганное лицо Рады Сергеевны. В губы ткнулся стакан с водой, крепкая ладонь просунулась под затылок (от прикосновения сразу стало легче), Рада Сергеевна приподняла Ирке голову и помогла глотнуть. От холодной и оказавшейся необыкновенно вкусной воды тоже веяло слабым ароматом. У Ирки прояснилось в голове, а охватившая ее слабость отступила, словно смытая одним-единственным глотком. Она наконец расслышала, о чем ее спрашивает Рада Сергеевна.

– И часто у тебя бывают обмороки? – с тревогой поинтересовалась она, заставляя Ирку снова глотнуть воды.

Ирка помотала головой и тут же сдавленно охнула. Виски прошило болью.

– Никогда раньше не было, – хрипло выдохнула она. Несмотря на воду, во рту оставалось сухо, как в пустыне, язык казался наждачным.

Рада поглядела на нее с сомнением.

– А ну-ка попробуй встать. – Сильная рука подхватила ее под локоть, и Рада Сергеевна бережно помогла девочке подняться с дивана.

Комната сделала резкий кульбит, но потом успокоилась. Ирка с удивлением поняла, что хоть колени у нее и трясутся, но стоять она может.

– Знаешь, малыш, а тебе, пожалуй, надо получше питаться, – протянула Рада Сергеевна, внимательно разглядывая Ирку. – Фрукты, овощи, витамины... На море съездить... Одних способностей, даже таких необычных, как у тебя, недостаточно. Работать придется день и ночь, но если ты нездорова, тебе такие нагрузки могут навредить... – Рада Сергеевна покачала головой.

– Ничего мне не навредит! Я очень здоровая! – запротестовала Ирка. – Честно слово, я никогда раньше в обморок не падала!

– Возможно, – задумчиво кивнула Рада. – Но я должна все обдумать...

– Я умею работать, Рада Сергеевна! – вскричала Ирка в отчаянии. – Я смогу!

– Все, пока тема закрыта, – решительно оборвала ее женщина. – Я перезвоню тебе, как только приму решение. – Рада легонько подтолкнула Ирку к дверям.

Протестовать было бесполезно. Ирка и так понимала, что все кончено, ее единственная в жизни большая удача обернулась пшиком. Понуро кивнув, девчонка направилась к выходу.

– Да, сделай мне одолжение. По дороге попроси портье, пусть разбудит меня завтра часов в шесть, – окликнула ее Рада.

Крепко держась за перила, Ирка сползла в холл. Ей было нехорошо, но главное, мучило ощущение несправедливости. Глупость, дурацкая случайность – и вот Ирка потеряла свой шанс! Дура, еще рассуждала, нравится ей запах Радиных травок или нет. Ведь это она из-за них в обморок хлопнулась! А Рада? Почему, ну почему взрослые всегда портят детям жизнь – и утверждают, что это для их же собственной пользы? Тихо всхлипывая, Ирка дошла до выхода. Остановилась. Она едва не забыла передать портье поручение Рады Сергеевны. Вот тогда-то директриса точно уверится: мало того, что у Ирки обмороки, так и с памятью плохо. Хотя какая уже теперь разница... Но девочка все-таки вернулась и подошла к стойке.

Все тот же молодой парень внимательно поглядел на нее, кивнул и записал Радину просьбу в журнал. Ирка вышла на улицу. Смеркалось.

Встречавшая ее у ворот бабка уже открыла рот, собираясь учинить скандал, но взгляде-лась в Иркино бледное лицо и немедленно отправила внучку в постель. Вскоре появилась на пороге комнаты с кружкой горячего чая и целой россыпью слегка примятых шоколадных конфет на блюде. Конфеты были твердые, почти одеревеневшие, видно, долго пролежали у бабки в загашнике. Но Ирка упорно грызла их, а бабка, пригорюнившись, сидела в ногах кровати. Потом забрала пустую чашку и пробормотала:

– Ну и пропади она пропадом, та школа. Подумаешь! Може и добре, шо не вышло. Уехала бы бог весть куда. Ты там одна, я тут одна – разве ж дело? – наклонившись, бабка ткнулась Ирке в волосы сухими губами. Быстро отпрянула, будто устыдившись нежности, коротко бросила: – Спи давай! – и вышла.

Ирка прикрыла глаза. Наверное, бабка права. Ирка на мгновение представила – чужой город, чужая школа, Рада Сергеевна с ее травами, дымом и загадочными книгами... Нет уж, с бабкой все-таки лучше, – пытаясь убедить в этом саму себя, Ирка несколько раз энергично кивнула. И одну ее оставлять не хочется. Интересно, там, в Германии, мама тоже одна? Нет, наверное. Здесь вокруг нее всегда крутились люди, и ей не было дела ни до Ирки, ни до бабки. Мама появлялась редко, иногда ее не было по много месяцев, но Ирка всегда ждала. И сейчас тоже будет ждать. А вдруг мама просто пока не может вернуться? Денег нет. Вот заработает...

В коридоре зазвонил телефон. Ирка досадливо прислушалась. Ну конечно, бабка врубила телевизор и теперь ничего не видит и не слышит. Ирка откинула одеяло и босиком прошлепала по холодному линолеуму.

6

Синий клубок шерсти

– Алло! – раздраженно рявкнула она в трубку. Раззвонились на ночь глядя!

– Ирочка, – позвал далекий женский голос. – Доченька!

Ирка замерла, изо всех сил прижимая трубку к уху.

– Мама? – неверяще переспросила она. – Mamочка, это ты?

– Я, Ирочка, – далеко-далеко засмеялся почти позабытый голос.

– Мама! Mamочка! Бабушка, мама звонит!

– Не надо звать бабушку, Ирочка. – Голос в трубке зазвучал испуганно. – Не надо!

– Но мама... Где ты, мама? Ты из Германии звонишь?

В трубке вздохнули:

– Не вышло у меня с Германией. Я... Я здесь, на нашей улице стою.

– Мама! Ты приехала, мама! Чего ты там, иди скорее...

– Я не хочу сразу к вам идти, – перебил голос. – Ты же знаешь бабушку. Она насмеяться станет. Не говори ей ничего.

Ирка невольно кивнула. Да уж, бабка такая! А маме точно спуска не даст.

– Выйди ко мне, Ирочка, – почти угасая, прошелестел голос. – Выйди.

В трубке загудело. Ирка кинула ее на рычаг и бросилась в свою комнату. Скорее, скорее! Она наскоро запихала подол ночной рубашки в джинсы, воткнула ноги в кроссовки и помчалась к дверям. Пробегая мимо комнаты, на мгновение остановилась. Бабка сидела, уставившись в телевизор, и, как всегда, была вся там, в страданиях очередной бразильской красотки. Нет, раз мама просила, Ирка не станет бабке ничего говорить. Сперва встретится с мамой тихонько, все узнает, а потом уж будет бабку уговаривать, чтоб не слишком мать попрекала. Мама гордая, если бабка ее допечет, не останется, снова уедет.

Ирка помчалась вверх по крутой темной улице. Единственный фонарь светил далеко-далеко, а под фонарем... Ирка остановилась, напряженно всматриваясь. Да, под фонарем, на самой границе света и тьмы, виднелась женская фигура. Откуда же мама звонила, там же нет телефона, подумала Ирка и тут же сама себя успокоила. С мобильного, конечно. Батарейки, наверное, садятся, поэтому голос такой слабый. Ирка припустила дальше.

Она пробежала половину улицы, уже видела лицо стоящей женщины. Это была мама, мама! Молодая, красивая, как в тот день, полгода назад, когда она небрежно чмокнула дочку в лоб и, подхватив чемодан, покинула дом. Сейчас мама улыбалась и протягивала к ней руки. Ирка побежала быстрее...

С фонаря обрушился кот. Он летел прямо на голову женщине, вот сейчас острые когти вопьются в волосы... Ирка вскрикнула... И остановилась. Кошачьи когти коснулись головы и... прошли ее насквозь. Фигура все так же стояла, улыбаясь и протягивая к Ирке руки, а внутри нее, насквозь видный через полупрозрачное тело, бесновался кот.

Ирка остановилась, прижимая руки к бешено колотящемуся сердцу.

– Тебя нет! Нет! – крикнула она.

Фигура заколебалась и медленно растаяла. Кот удовлетворенно фыркнул, победно встопорщив усы, поглядел на Ирку и тут же отчаянно, тревожно заорал. Ирка оглянулась.

По склону улицы катился большой лохматый клубок шерсти. Ирка пригляделась, стараясь понять, что в безобидном клубочке могло так напугать кота. И вдруг с ужасом сообразила. Клубок двигался не вниз! Он летел вверх, вверх по крутой улице! Прямо к Ирке!

Они побежали одновременно. Ирка вверх по улице – туда, где проспект, фонари, люди. Кот – вниз. Он пронесся мимо Ирки, и за ее спиной раздалось страшное фырчание и истошный мяв. Ирка понимала, что должна бежать, но все-таки не утерпела, оглянулась.

Придав клубок к земле, кот бешено рвал его когтями. Ключья шерсти летели во все стороны. Клубок бился, выдираясь из-под кота, будто живой. Враз, словно щупальца спрута, из клубка выметнулись длинные нити. Они плотно охватили кошачье тело и зашевелились, задергались, со всех сторон оплетая кота, опутывая ему лапы. Кот страшно зашипел, скаля клыки. Толстая витая нить захлестнулась на его шее, безжалостно сдавливая горло. Угрожающее шипение сменилось хрипом. Не выдержав, Ирка развернулась и бросилась назад, к сражающимся.

Страшным усилием приподняв голову, кот глянул на Ирку... Он судорожно открывал пасть, но ни звука не вырывалось из перехваченного горла. Ирка вцепилась в сплетение ниток. Клубок словно того и ждал. Кота шарахнуло о забор, а шерстяные щупальца кинулись Ирке в лицо.

Нити захлестнули руки, безжалостно стягивая запястья. Шерстяная петля оплела лодыжку. Ногу дернуло, и Ирка рухнула на дорогу. Колючая шерсть ткнулась ей в губы, Ирка принялась отплевываться. Тут же целый комок шерсти пропихнулся между зубов, забивая рот.

«Голубенький...» – успела подумать Ирка и тут же ощутила, как ворох ниток захлестывает ей горло. Дышать стало трудно, словно огромный колокол забил у Ирки в ушах, полностью заглушая слабый, далекий крик:

– Держись!

Сквозь мерзкое дымное марево, застилавшее Ирке глаза, на мгновение проступило лицо Рады Сергеевны... а потом Ирка во второй раз провалилась во тьму.

7

Много шума не понятно из-за чего

Под веками стало красно, словно в лицо бил прожектор. Ирка приоткрыла глаза и тут же зажмурилась. Сквозь широкое окно лился поток яркого солнечного света. Проморгавшись, Ирка снова решила приподнять веки. И тут же глубоко задумалась. Кажется, она хлопнулась в обморок в номере у Рады Сергеевны. Точно. Она лежит на диване, а Рада... Рада Сергеевна наклонилась к ней, и лицо у нее доброе и очень встревоженное. Совсем такое же, как тогда, в гостинице.

Тогда? В гостинице? Значит...

Ирка чуть приподнялась на локтях. Она лежала в большой полупустой комнате – шкаф, диван, журнальный столик с парой стульев. За распахнутым широким окном весело зеленел сад. Не было вокруг ни золоченых финтифлюшек, ни курильниц, ни пучков сушеных трав. И призрачной фигуры под фонарем тоже не было. Ирка вскинула руки, боясь увидеть опутывающую запястья голубую шерсть. Но руки были свободны. Вместо голубой шерсти у самого Иркиного носа появился голубой рукав блузы – Рада Сергеевна опять протягивала ей полный стакан воды, издающей легкий и свежий травянистый запах, будто ее только что набрали из лесного ручья.

– А где... кот? – спросила Ирка. Она хотела спросить: «А где я?» – но вопрос про кота выпрыгнул сам собой.

Лицо Рады жалостливо сморщилось.

– Не волнуйся, Ирочка, тебе нельзя сейчас волноваться, – забормотала она.

– Скажи ей правду, Рада, – прогудел приятный мужской голос, и рядом с Радой встал высокий немолодой мужчина в дорогом костюме. – Она крепкая девочка. Боец.

Ирка зачарованно смотрела, как солнечные блики мелькают на гладко выбритом черепе мужика. Она понятия не имела, почему ее считают бойцом, но похвала ей понравилась.

Рада присела возле Ирки на край дивана.

– Погиб твой котик, Ирочка.

– Он не мой, – слабо возразила Ирка, но Рада только отмахнулась.

– Да твой, твой. Просто ты об этом не знала.

Ирка возмущенно уставилась на Радую Сергеевну. Как это – кот ее, но она об этом не знала? И вообще, что происходит? Что здесь делает этот бритый мужик? И Рада? А сама Ирка – как она здесь оказалась? И где находится это самое «здесь»?

– Тсс! – сказала Рада и прижала палец к Иркиным губам. – Так много вопросов! Давай не все сразу.

Ирка изумленно воззрилась на Радую. Она ведь не задала ни одного! По крайней мере, вслух.

– Для начала разберемся, как ты себя чувствуешь. На что жалуемся? – шутливо поинтересовалась Рада, беря Ирку за руку.

– На галлюцинации, – зло буркнула Ирка. – Коты здоровенные чудятся, собаки с бельмами, агрессивные клубки шерсти, директрисы школы иностранных языков, какие-то вообще незнакомые мужчины и чужие дома!

Рада Сергеевна и бритый мужик расхохотались, словно слышали какую-то остроумную шутку.

– Вижу, с тобой и впрямь все в порядке, – вытирая проступившие от смеха слезы, сказала Рада. – Мы должны попросить у тебя прощения, девочка. – Она мгновенно стала серьезной. – Поверь, мы искали тебя всеми силами. – Директриса прижала крепко сжатые кулаки к груди. – Но нашли слишком поздно!

Губы у Ирки невольно начали подергиваться. В голосе Рады Сергеевны было столько трагизма – точь-в-точь как у Богдана, когда его собираются постричь. Но смеяться было неловко – взрослая женщина все-таки, к тому же директор школы. И Ирка уставилась Раде в глаза преувеличенно серьезным взглядом.

– Когда твой кот ощутил твое присутствие, мы сразу же начали поиски... – торопливо продолжала Рада Сергеевна.

– Но знаешь, Иришка, коты – совершенно неуправляемые существа, – доверительно пояснил мужчина. – Он, понимаешь, кот, ходит где вздумается и гуляет сам по себе! Не проследишь! В один прекрасный день ушел тебя искать – и все! А результаты кошачьей самостоятельности – трагические!

– Мы не теряли ни минуты, – тут же заверила Ирку Рада Сергеевна. – Мы сразу поняли, что кот отправился к тебе, и задействовали все доступные нам силы. Но его-то чутье ведет, а мы всего лишь люди! Мы ничего о тебе не знали – ни где ты живешь, ни как выглядишь! Мы не знали, что твои враги – наши враги! – тоже напали на след! Пока мы тебя вычислили, пока проверили – мы же не имеем права ошибаться, мы должны быть абсолютно уверены!

– А эти мерзавки тем временем тоже – вычисляли и проверяли! – гневно стиснув кулаки, вскричал мужчина. – Убийцы!

– Мы сами виноваты, – прервала его Рада Сергеевна. – Негодяи увидели, как ты идешь ко мне в гостиницу, и сразу поняли, что ты именно та, та самая! И кот начал вокруг тебя крутиться...

– На кота не наезжай, Рада. – Теперь уже мужчина прервал директрису. – Если бы не он, удавили бы девчонку прямо там, в темном переулке! Одна беда: не кошачье дело такая драка!

– Конечно, конечно, – закивала Рада. – Если бы он не бросился на тот страшный клубок – мы бы не успели! Кот выиграл для тебя всего пару минут, но эти минуты решили – жизнь или смерть! Он спас тебя, но вот ему уже ничем нельзя было помочь!

Мужчина и Рада одинаково четким движением, словно офицеры в старых фильмах, склонили головы. И была в каждом их движении и слове какая-то убийственная, абсолютная серьезность...

Ирка, во время разговора метавшаяся взглядом от одного к другому, теперь прикрыла глаза и отчаянно потрясла головой:

– Б-р-р!

Рада погладила Ирку по голове.

– Но теперь ничего не бойся! – решительно заявила директриса. – Ты с нами, мы сумеем тебя защитить! Поедешь со мной в школу, начнешь учиться, будешь лучше всех!

– Без кота трудно! – предостерегающе заметил мужик.

– Ничего, ты сам сказал, она – боец! – ошетибилась Рада. – И без кота справится!

Ирка, то погружаясь в диванные подушки под давлением поглаживающей Радиной руки, то взмывая на пружинах вверх, ее почти не слушала. Но на всякий случай поинтересовалась:

– Это что, новый метод преподавания такой?

Рада прекратила поглаживать девчонку по голове. Ирка облегченно перевела дух – еще чуть-чуть, и лысину бы протерла!

– Какой новый метод? – недоуменно переспросила Рада.

Ирка пожала плечами:

– Не знаю, кошачий, наверное. Я так поняла, ученикам школы иностранных языков без кота теперь никак!

Бритый мужик коротко хмыкнул.

– Ученикам школы иностранных языков без кота запросто, – тихо ответил он. – А вот ведьмам – тем действительно сложно!

– Особенно таким молоденьким и неопытным, как ты! – добавила Рада.

Не дожидаясь, пока они вновь начнут перебрасываться фразами, будто мячиком, Ирка откатилась по широкому дивану – прочь от Радиной руки – и вскочила.

– Так, всем спасибо большое, – пробормотала Ирка. – И уважаемой Раде Сергеевне спасибо, и вам спасибо, э-э...

– Аристарх Теодорович, – подсказал мужик.

– И Аристарху Теодоровичу спасибо, – согласно кивнула Ирка и сделала шаг к двери. Потом еще один, еще, продолжая бормотать: – И коту вашему спасибо...

– Твоему коту, – поправила ее Рада.

– Моему, моему, – закивала Ирка, продолжая пятиться. Говорят, с сумасшедшими лучше не спорить. Во всяком случае, пока не окажешься от них подальше. А что эти двое именно сумасшедшие, у Ирки не было ни малейших сомнений. Может, даже маньяки. Похитили ее... Бежать, скорее! Ирка метнулась к распахнутой двери.

Дверь захлопнулась прямо перед девочкой. Не успевшая затормозить Ирка с разбега врезалась в нее лбом. Пошатываясь, она стояла перед дверью и держалась за голову руками.

– Больно? – спросил из-за спины участливый голос Рады. – Извини, не рассчитала.

Не оборачиваясь, Ирка навалилась на дверь всем весом, отчаянно затрясла ручку.

– Выпустите меня! – закричала она. – Эй, там, за дверью, немедленно выпустите меня!

– За дверью никого нет, Ирочка! – мягко сказала Рада. – Во всем доме, кроме нас троих, – никого.

Ирка обернулась, вжимаясь лопатками в дверь.

– Что вам от меня нужно?! – с ненавистью спросила она. – Я хочу домой! Отпустите меня, слышите? Отпустите! Помогите! – вдруг изо всех сил заорала Ирка. – Помогите!

– А ну-ка тихо! – вдруг гаркнул бритоголовый Аристарх Теодорович, и его рык враз перекрыл Иркины вопли о помощи. – Прекратить истерику!

Ирка осеклась.

– Черт! Извини, – тут же смущенно прогудел он. – Не хотел на тебя орать, но ты такой кипеж подняла!

– Мы сами виноваты, – вмешалась Рада. – Напугали.

Аристарх Теодорович согласно кивнул:

– Давайте-ка начнем все сначала. Иди сюда, Ира. Сядь.

– Никуда я не пойду, – ответила Ирка, пристально глядя на него сузившимися глазами.

– Хорошо, не ходи, – тут же согласился Аристарх. – Но все равно – нужно поговорить спокойно. Возьми стул... – Он сделал шаг, собираясь подать Ирке стул, но она тут же отпрянула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.